

Д. Артемьев

ЖЛОБ На Крыше

Д. Артемьев

ЖЛОБ НА КРЫШЕ

Серия «Легкое чтиво»

Если воспользоваться словами самого автора, «издавать это — просто преступление. Коллеги засмеют». Засмеют — не совсем верное слово. Скорее застыдят. Слишком много, скажут, «телесного низа», всяческой бытовой аморалки, пошлятины и... И вообще, автор, похоже, сексуальный маньяк. Это с одной стороны. С другой — эта сторона жизни, словно обратная сторона Луны, существовала всегда — просто освещена была хуже. Что, впрочем, тоже сомнительно. Прекрасно она освещается уже много веков — вспомним Апулея, Бокаччо и даже какие-нибудь совсем свежие «Пятьдесят оттенков серого». Напишем в аннотации: «Грубоватая эротика и бытовой цинизм позволяют автору моделировать совершенно неожиданные ситуации, ставить своих героев...» Как угодно он их ставит, чего скрывать. И вкус автору порой изменяет, это так. Ну, так там все друг другу изменяют, вкус не исключение. Последнее сомнение: закон он нарушает? Вроде нет. При условии, конечно, что храниться эта книга будет, как пишут в инструкциях к лекарствам, «в местах, недоступных для детей». Так что, публикуем? Ай, ладно — в печать!

РАЗМЫШЛЕНИЯ РЕДАКТОРА

РАЗМЫШЛЕНИЯ РЕДАКТОРА

Издавать это — просто преступление. Коллеги засмеют. Но он пристал как банный лист. Обещает выкупить треть тиража. А еще треть возьмет по его просьбе благотворительное общество, помогающее детям-сиротам. Бедные сиротки! Нет, нельзя отказать. Ладно, давай разбираться. На то ты и хозяин, и главный редактор, и все на свете.

Так, первый рассказ. Печатать его нельзя ни в коем случае. Одно только название чего стоит — «Смерть всей семьи». Значит, так: герой приходит жить в семью своей молодой жены. Там, естественно, тещь с инфарктом и тещь, которая героя немедленно возненавидела. Поэтому тещь пытается отравить зятя толченым стеклом по примеру диетологов товарища Сталина. Пока она кормит его в соответствии с этой диетой, тот трудится в спальне над ее дочерью. Как-то он обращает внимание на тещь и, ни слова не говоря, загибает ее прямо на кухонном столе. Тещь такой прием приходится по душе, и она начинает своего мужа выгонять из дома на прогулки. Возвратившись раньше времени с одной из прогулок, тещь услышал из спальни характерные звуки, вошел туда и получил очередной инфаркт. На похоронах рыдающая дочь слышит от рыдающей матери признание в грехе. На следующее утро герой находит жену бездыханной с пустой бутылочкой от снотворного в руке. Теперь убитая горем тещь пытается найти успокоение в церкви; она ходит туда трижды в день через оживленную дорогу и, естественно, попадает под автомобиль. В конце рассказа герой сидит на скамеечке возле трех могил с пистолетом в руке. Остается множество вопросов: где он взял оружие, умеет ли он им пользоваться и будет он стреляться или нет?

Нет, такое печатать нельзя. Я понимаю, что герой — это автор. Ему хочется улучшить свою жизнь, изменить ее, стать, хотя бы в рассказе, сильнее, сексуальнее. В жизни он просто тряпка. Тещь здоров как бык и как бык кроет тещь и соседок в своем подъезде. А тещь... ну, что касается тещь, у меня бы не встал ни при каких обстоятельствах. И как это бедному автору пришла в голову мысль отодрать тещь?

Следующий рассказ. Мм-м. Некий Архарат живет в бухарском ауле с красавицей женой, скрипачкой по

профессии. Уже интересно. Красавица скрипачка в ауле. И почему аул бухарский. Халат бухарский может быть, плов. Но аул... Надо будет посмотреть в энциклопедии. Так, что дальше? Жена болеет. Ей может помочь только козье молоко. Архарат покупает козу, учится ее доить и поит жену козьим молоком. При доении у Архарата возникает теплое чувство к козе, и он начинает с ней жить. Красавица скрипачка почувствовала отчуждение мужа, заподозрила измену, убедилась в факте плотской любви Архарата и козы. Расстроенная, она выступает на концерте с песней Сольвейг, в которой достигает неведомых высот трагизма. Публика рукоплещет. А красавица сразу после концерта бежит к мосту. Лучше бы он написал, как у Ильфа и Петрова, — «изменившимся лицом бежит пруду». Где тот мост в Бухаре? Здесь все чистый бред, включая скрипичное исполнение Грига в бухарском ауле. Надо переписать. Сменить имя, убрать козу, лечить жену обычными антибиотиками. И никаких страстей: живет человек в московской квартире, лечит жену, не обязательно скрипачку, пусть она работает, к примеру, на множительном аппарате «Ксерокс». А лучше этот рассказ просто выбросить.

А вот третий рассказ мог бы дать заголовок всей книге: «Чирей на заднице». Мне нравится, ей-богу. Надо основательно прочитать его. Так, сколько страниц? Двадцать четыре. Это же повесть. Завязка — ну, понятно, вскочил чирей. Так, сидеть приходится боком, на одной ягодице. Хорошо, но сколько же это можно описывать. Ага, директор обратил на него внимание. Так, так. И что? Где выговор, где повышение? Пропал директор; больше о нем ни слова. Надо напомнить автору слова Антона Павловича о ружье на стене. Кстати, зачем робкому Чехову понадобилось ружье?

Далее. Теперь дома; жена накладывает на чирей мазь Вишневского. Так, одна, две, три страницы про эту вонючую мазь. Еще две страницы о том, что неудобно спать на животе. Да, действительно. Ну, слава богу, помогли компрессы. И все? Так это не рассказ, а история болезни. Сократить в пять раз. Поскольку сидеть не может, пусть бегают. Это замечает директор и дает ему повышение. Чирей проходит, и вот он уже сидит в новом кабинете. Что-то примерно так, а?

Следующий рассказ о жаворонке. Девочка, кроха такая, подобрала птенчика, выпавшего из гнезда, принесла домой. Умница. Что она теперь делает? Попросила у мамы

разделочную доску и нож. Боже мой. Какой супик? Должна же мать воспитывать дочь. Ну наконец-то. Дала ей подзатыльник. За что? А надо быть экономной, не выбрасывать кишочки, а отдать их киске. Хороший рассказ. Нравоучительный. Оставляем.

Про вземную цивилизацию. Про это есть у любого писателя. Зеленые человечки в летающей тарелке. Что еще можно придумать? Ну, здесь розовые человечки, одетые в кружевные женские панталоны. Интересно. Органы размножения нелокализованные, блуждающие такие, можно случайно прикоснуться — и поймать кайф. Так, хватают пьяного бомжа, наслаждаются с ним, тот ничего не понимает, только требует бутылку. Они улетают, а он становится умнее Эйнштейна и получает Нобелевскую премию.

Что-то здесь есть. Выкинуть весь этот бред про Эйнштейна и про бомжа, панталоны оставить. Вернуть козу из рассказа о красавице скрипачке. Розовые человечки вводятся в заблуждение, хватают эту козу, удовлетворяют с ней свои плотские желания и наделяют ее нечеловеческим разумом. Коза, понимая, что с таким разумом ее ни один козел не осеменит, яростно палит из гранатомета по отлетающим розовым человечкам. И такой финал: коза отбрасывает оружие, устало вытирает пот со лба и говорит по-французски: «Дерьмо». Кажется, «мерде», надо бы посмотреть в словаре.

А неплохая книжка получается. Так, не отвлекаться. Рассказ о пансионате ветеранов. Неужели про это можно написать что-то, кроме некрологов? А вот можно. Смотри-ка, дается описание огромной столовой, за каждым столом пожилые женщины и один мужчина. Так, суп наливают половником из кастрюли. В супе всего один хрящик. Та, что вытащила хрящик из супа, прямо светится. И что дальше? Обсасывает хрящик, откладывает на отдельную тарелочку под завистливые взгляды сотрапезниц. Обед продолжается. Съедают второе блюдо, запеканку, чай с булочкой. Официантки убирают посуду на тележки и протирают стол тряпкой. Призерша расстегивает мужчине штаны, достает его дряблое достоинство и шелковой ленточкой привязывает к нему хрящик. Остальные женщины помогают старичкам взгромоздиться на стол. Потом садятся, подпирают щеки ладонями и наблюдают за процессом. И так за каждым столом. Через некоторое время то на одном, то на другом

столе раздаются аплодисменты. Великолепно. Должен сказать, что у этого графомана хорошее воображение. Так, и чем заканчивается рассказ? Ну, это не годится: мужик тайно насыпает в кастрюлю дуст. Надо что-то позабористее. Пусть подумает.

О телефоне. Все это было, тысячу раз было, ну, кто-то ошибся номером или... так, интересно. Значит, муж купил ей мобильный телефон в форме пениса и с вибратором. Ну, мужик, заиклился на этой теме. Но все же хорошо. И что еще? Ух ты, — с фотоаппаратом. Она оттуда эсэмэски передает и снимки. Ага, едет в автобусе, набирает номер, включает вибратор и весь путь ловит кайф. И заканчивается грамотно: муж весь вечер ноет, она ему наконец дает. А потом устраивается рядом поудобнее и включает вибратор. Этот рассказ пошлю в печать без изменения.

Ну и название: «Мыла Марусенька белые ноги». Опять какая-то порнография. Моет ножки, все выше, все выше, все медленнее, потом задерживает пальчик и призывно смотрит. Так, поглядим, как у Марусеньки обстоит дело с гигиеной. Ого! Оказывается, она работает в морге и с утра до вечера обмывает покойников. Так. И стесняется; это понятно. Приятелю сказала, что работает в салоне красоты. Хм. И в чем же завязка? Ага, парня зарезали в пьяной драке. Марусенька обмывает очередного клиента и к ужасу узнает в нем своего любимого. Да-а! Избитая темка. Нет, тут надо по-другому. Парень очень хочет Марусеньку, но она позволяет ему только поцелуи и чуть-чуть пощупать грудь. И что он придумал? Он притворился покойником, попал в морг, и Марусенька стала обмывать его ноги. Вот она моет их, снизу вверх, все выше и выше и наталкивается рукой на готовый к действию прибор. Она удивленно поднимает глаза, видит своего любимого, который, в свою очередь, лежит с идиотской улыбкой. С ней шок, она падает на кафельный пол и разбивает себе голову. Или не так. Она обрадована, залезает на своего парня, начинает процесс, но тут входит заведующий моргом, который всегда хотел Марусеньку, но не знал, как к ней подступиться. А как закончить? Вот пусть автор и думает о своем конце, ха-ха.

Он мне часто говорит, что я ворочу нос от его рассказов. Ну во-первых, не от всех, а во-вторых, как не воротить нос вот от такого сюжета. Некий Калимхатомакелогов попадает в

комнату с гильотиной в потолке. Что это такое — не объясняется. Безумная фамилия героя более не повторяется. Главное, что голос — это еще один персонаж рассказа — приказывает нажимать одновременно на одиннадцать кнопок. Иначе гильотина упадет с потолка. Да, кстати, кнопки надо держать пять минут. Этот герой нажимает кнопки руками и носом. Но он при этом не может взглянуть на часы, а поднимать голову боится. Еще бы, гильотина все-таки. Так что вместо пяти нажимал на кнопки минут двадцать. Поднял голову, перевел дух, отдохнул, и голос дает новую команду. Потом он все же приноровился: помастурбировал и стал нажимать среднюю кнопку членом. Голос расхохотался и отпустил его из комнаты. Ну что тут скажешь? Глупая фантастика. Член у него, видишь ли, пять минут эрегирован по собственному желанию. И вообще, чему учит этот рассказ? Мастурбации? Ничего подобного; не сказано ни слова о технике этого процесса. И он осмеливается утверждать, что я ворочу нос от его рассказов. Совсем нет. В печать!

ПЯТИЛЕТНИЙ СЫН

Один мужик приехал впервые в незнакомый город и попытался устроиться в гостиницу. Это происходило при советской власти, поэтому свободных мест не было. Ему не удалось сунуть администратору деньги: та сидела за железной решеткой, предохранявшей ее от давки командированных. Кроме того, перед ней было только маленькое оконце, в которое счастливчик протягивал паспорт. С деньгами не вышло.

Мужик сунулся к швейцару в ливрее. Тот внимательно осмотрел просителя и показал на огромную толпу напрасно ожидающих свободных мест. Оставалась еще возможность поговорить с уборщицей. Но та беспомощно развела руками, сказав, что если бы она могла с этой ведьмой договориться, то была бы уже миллионершей.

От отчаяния мужик пошел в будку телефона-автомата, позвонил в гостиницу и представился сотрудником горисполкома. На что администратор равнодушно сообщила, чтобы ей не морочили голову, поскольку в горисполкоме есть отдел, принимающий приезжих и выдающий бронь на гостиницу.

Тогда этот мужик написал записку, протолкался через толпу с криком: «Позвольте, я по брони горкома», и просунул записку в окошко. Администратор, полная дама средних лет с обесцвеченными волосами, приняла записку и прочитала ее. Затем пригнулась к окошку и сказала:

— Пройдите к служебному входу.

Мужик подбежал к двери с надписью «Служебный вход», щелкнул замок, дверь приотворилась, и он ужом протиснулся в темный служебный коридор.

— Покажите, — слышался строгий голос администраторши.

— Как? Прямо здесь?

— Конечно здесь. А где же еще?

Мужик распахнул куртку, расстегнул молнию на брюках, оттянул вниз резинку трусов и вывалил свой прибор.

— Врать-то зачем, — сказала женщина, — какие же это 35 сантиметров. У моего пятилетнего сына и то больше.

— В рабочем состоянии, — начал оправдываться мужик, — он заметно вырастает.

— Идите, не отрывайте меня от работы, — сказала администраторша, выпроваживая мужика из служебного

помещения.

Мужик еще поколачивался в фойе, надеясь на чудо. Но чудо все не случалось. Толпа ожидающих занимала все кресла, все подоконники. Несколько человек курили возле двери в туалет. Пришлось уходить.

На выходе из гостиницы понурого мужика остановила женщина:

— Комнату не желаете снять? — спросила она.

— Конечно, — обрадовался мужик.

— Пойдемте, тут рядом, — сказала женщина, — у меня уютно и тихо.

И правда, квартира оказалась уютной. Следов пребывания других постояльцев не было видно. Пока он умывался, хозяйка переделалась в домашнее и заварила чай. После чая она предложила:

— Пойдемте, я вам постелю, уже поздно.

— Хорошо, — согласился мужик.

Они прошли в спальню, где стояла широкая кровать. Хозяйка постелила простыню и потянулась расправить ее у стены. При этом ее халатик задрался и показались две аппетитные ягодички. Мужик нерешительно погладил их ладонью. Хозяйка замерла в этом положении. Он продолжал гладить уже более решительно, расстегивая другой рукой ремень своих брюк.

Потом они молча лежали в постели. Мужик испытывал приятную истому.

— Ну, — неожиданно засмеялась женщина, — если у ее пятилетнего сына такой, то из мальчика вырастет сексуальный маньяк.

РОНДО МОЦАРТА

Ремонт трамвайных путей сузил и без того неширокий проезд. Водители нервничали, машины сигналили. По центру улицы рабочие отбойными молотками вскрывали асфальт и выворачивали старые шпалы. Новые шпалы, пропитанные чем-то черным, подвозились и складировались штабелями в ожидании укладки. Разгружали с машин и переносили шпалы женщины из бригады дорожных рабочих.

Мимо группы женщин, одетых в серые замызганные спецовки, проезжал кремового цвета «бентли». Женщины по двое носили через дорогу шпалы и укладывали их возле трамвайных путей. Машина остановилась, пропуская очередную пару женщин, согнутых под тяжестью пропитанной шпалы. Мотор «бентли» мягко и негромко урчал. Водительская дверца отворилась, водитель в униформе проворно выскочил и открыл заднюю дверцу. Из машины вышел седой мужчина в черном костюме, сорочке и галстуке. Он направился к шпалам, аккуратно обходя грязные подтеки на асфальте и выбирая место, куда поставить ноги в черных лаковых туфлях.

Женщины положили шпалу в груды. Одна из них присела прямо на шпалы, вторая выпрямилась и потянулась, разминая затекшую поясницу. Мужчина подошел к ней, поклонился и что-то произнес. За грохотом и шумом дорожного движения слов слышно не было. Женщина склонила голову в согласии. Мужчина повернулся и махнул рукой водителю. Тот юркнул на сиденье и включил в машине музыку на полную мощность. Водительскую дверь он оставил открытой.

По улице, перекрывая шум дорожного движения, поплыла божественная музыка Моцарта. Рондо из «Маленькой сюиты». Мужчина подал руку женщине, она приняла ее; другой рукой он прикоснулся к ее талии. И они заскользили в танце.

ФУРУНКУЛ

Вскочил чирей на заднице. Болезненный — страшно! Присесть невозможно. Завтракал стоя. Кое-как смазал чирей йодом и пошел на работу. Чтобы не вызывать вопросов, почему не садишься за свой стол, решил связаться с другими отделами. Стал решать дела, давно требующие ответа. Заходил к смежникам, обговаривал вопрос и летел дальше. К концу работы вызвал начальник, похвалил. Сказал, что не ожидал, сказал, раз так идут дела, назначает его исполняющим обязанности на время своей командировки. Выдал ему список дел на неделю.

Дома поужинал стоя, смазал йодом чирей, и, лежа на животе, весь вечер смотрел телевизор.

С утра, морщась, занял кресло в кабинете начальника. Подписал срочные бумаги, стоя выпил кофе, поданный секретаршей, и пошел по этажам решать вопросы по списку начальника. Пришлось дважды записываться на прием к директору департамента. Во второй раз директор обратил на него внимание, пригласил сесть. Ответил, что ни минуты времени нет, если можно — зайдет попозже или завтра. Зашивается с работой. Только еще приступил к исполнению обязанностей начальника отдела. Директор благожелательно сказал, что ему кажется, что с работой он вполне справляется. Подкинул ему два проекта на проработку.

Дома опять возился с чирьем, телевизор не смотрел, лежа на животе, работал над проектами.

С утра в кабинете подписал срочные письма, не присаживаясь, принял приятеля, с которым сидел за соседними столами, и подписал ему заявление на отгул. Затем направился в соседний отдел согласовывать один из проектов, порученных директором, записался к нему на прием и был принят после обеда. Директор одобрил. Весь конец дня посвятил обсуждению с сотрудниками второго проекта. За столом не сидел, все замечания записывал на доске. Сотрудники панибратски заявили, что его не узнают. Он засмеялся, представив себе их реакцию на причину его активности.

Дома обнаружил, что нарыв уже почти готов прорваться. Лежа доделывал оба проекта с учетом полученных советов и замечаний.

Утром попросил секретаршу распечатать пояснительные тексты к проектам. Решал текущие вопросы, подписывал

документы. Внес исправления в пояснительные записки. Отдал перепечатать. Секретарь директора встретила его с улыбкой, тут же доложила. Директор принял его почти сразу же. Просмотрел материалы, сделал несколько правок своей рукой.

Дома обнаружил, что нарыв прорвался. Грусы бросил в стирку, брюки свернул для сдачи в химчистку. Заклеил ранку пластырем. Вносил правки директора в проекты.

На работе, сидя на краю стола на здоровой ягоdice, обсудил с секретаршей, как вносить исправления в уже готовые документы. Секретарше его рабочая поза понравилась. К директору записываться не пришлось, — вызвал сам. Пришлось сесть на предложенный стул. Постарался незаметно сесть боком. Директор обсудил с ним последние решения ученого совета, а потом предложил занять пост секретаря этого совета. Повышение было феерическое, испугался, начал отказываться. Директор отказа не принял. Велел со следующей недели приступать к работе в новой должности. Надиктовал задачи, которые необходимо решить в течение года.

Ранка от чирья почти не болела. Можно было сидеть. Обдумывал задачи, которые поставил директор. Удивился. Секретарь совета может решить все эти задачи одной левой. И не за год, а за пару дней.

Утром записался на прием к директору. После обеда был радушно принят. В кабинете оказался замминистра. Рассказал свое видение работы секретаря. Директор и замминистра слушали внимательно. Потом зам сказал, чтобы в понедельник прибыл в министерство. Пропуск будет заказан. Министр очень интересуется молодыми кадрами, хочет выдвигать на руководящие должности. Директор делал глазами знаки, чтобы не отказывался.

В понедельник утром был принят министром. Чирей еще чуть-чуть саднил, но сидеть было можно без проблем. Министр был старенький, он участливо расспросил о делах по работе, потом заговорил о здоровье. Что-то заставило рассказать о чирье.

— Вот-вот, — потирая руки, сказал министр, — а у меня карьера началась с ужасного приступа геморроя.

ЗАБОТА

Ольга Васильевна отмывала Иринку в ванной, с жалостью рассматривала худенькое тело девочки, многочисленные царапины и синяки и не спеша расспрашивала:

— Родители, говоришь, в Воронеже?

— Только мамка.

— А папа?

— А отца у меня нет.

— Ну. И что же ты от мамы убежала?

— Так она же пьяная все время. А когда трезвая, бьет меня. Уж лучше пьяная.

— Боже мой, — вздохнула Ольга Васильевна и ласково погладила девочку по спине. — А кормил тебя кто?

— Никто, — беззаботно ответила Иринка, — что сама раздобуду, то и поем. И мамке дам. На рынке чего-нибудь у теток украду, принесу в дом, а она, пьяная, плачет, руки мне целует.

— А в Москве ты как оказалась?

— Как — села на поезд, и всё. Мамка куда-то пропала. Ну я села на поезд. В Москве лучше. Тут прокормиться — пустяк. И курева полно, и клея.

— Ох, — опять вздохнула Ольга Васильевна, — лет-то тебе всего одиннадцать, а ты уже и куришь, и гадость эту нюхаешь.

— Уже почти двенадцать, — гордо заявила девочка.

— И сколько ты уже в Москве?

— А с зимы. Здесь удобно. Вокзалов полно. Рынков разных. Местечки такие — закачаешься!

— Вот и помыли тебя. Давай, вытирайся. Только ты должна мне пообещать, что забудешь про сигареты эти ваши и клей.

— Обещаю, — с готовностью ответила Иринка.

— Смотри, я женщина строгая. Если что, могу и отшлепать.

— Ой, тетя Оля, отшлепать! — девочка смеялась звонко и радостно. — Вы хорошая.

— Ладно тебе. Пойдем-ка обедать. А после подгоним тебе одежду. Есть у меня несколько платьишек, вот я на машинке их тебе и подгоню.

Соседки по дому отнесли к Ольге Васильевне очень хорошо. Это надо же, на свою пенсию она еще и беспризорных девочек кормит. Одевает их. Заботится. В

поликлинику водит. Лечит. Вот, смотрите, Иринка-то у нее как за два месяца округлилась. Куда это они сейчас пошли? В зоопарк. Ох, молодец. И свою на ноги поставила, выдала замуж. Теперь оба учатся в институте. Зять — парень-то неплохой. Заботливый. Но дочь — уже отрезанный ломоть. Вот она свою энергию и тратит на беспризорниц.

А девки-то какие бывают неблагодарные. Не говорите! Прощлая-то сбежала. Уж как Васильевна переживала. А им-то что, тянет их, понимаешь, к вокзалам. Клей нюхать, воровать. Не говорите! А Васильевна свое гнет, вот другую подобрала. Говорит, списалась с Воронежем. Хочет девку в семью вернуть. Это хорошее дело.

Ольга Васильевна ждала звонка от дочки, поэтому взяла трубку с собой в ванную, где мыла Танюшку. Она уже вытирала ее и собиралась смазать царапины зеленкой. Раздался звонок.

— Алё. Доченька. Ну что? Как начало учебного года? А ты вытри как следует головку. А после я тебя полечу немного. Нет, я не тебе, это я Танюшке говорю. Да, нашла на вокзале. Да, подкормить ее надо. Кожа да кости. Так как у тебя дела с учебой? Надо платить за семестр? Сколько? Ты вот что, ты сегодня после лекций заезжай. Я тебе денег дам. Откуда, откуда. От верблюда. Да, выручила. А знаешь оптовый рынок в Измайлове? Там огромный фруктовый павильон. Кому-кому, хозяину, конечно. Тысячу баксов за нее получила. А ты еще сомневалась, что забота окупается.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТ

Мужики! Я позвал вас, чтобы обсудить вопрос о галлюцинациях и бзиках. Но вначале выпьем. Мне тут принесли дешевой бодяжной водки, я ее с утра глотаю, присоединяйтесь. Давайте сразу накатим по сто пятьдесят. Теперь переходим к делу. Вопрос заключается в следующем. Как-то около года назад кто-то из вас раздобыл сильные таблетки, и мы их приняли с портвейном. Балдели почти до вечера, ну помните, наверно. Кайф у всех был отменный.

Нет, ты дай мне рассказать. Я помню, как ты хохотал целый час — у тебя ноги выросли до неба и ты швырял носки в потолок, чтобы они зацепились за твои ступни. А ко мне пришла такая коза, закачаешься. Ну, я вам рассказывал. Ноги, попка, грудь. Ухоженная. Фамилия Габрилюк. Звать Маша. В общем, галлюцинация, конечно, но баба стоящая. Видел ее совершенно отчетливо, так же, как сейчас вас вижу. Только никого из вас я не трогаю, а с ней поступил по-другому. Впрочем, она была послушна и покорна.

Чего, во время глюков все послушны? Наверно, ты прав. Не знаю. Опыт пока еще небольшой. Машеньке все нравилось, а я оказался на высоте. Просто секс-гигант. Без таблеток я такого себе и представить не мог. Ей, значит, все это нравилось, только она сильно беспокоилась, чтобы не залететь. А я что — обещал и клялся, да разве удержишься. Потом просил прощения, вытирал слезы, снова уговаривал и снова не мог сдержаться. А чего! Хоть и под кайфом, а все-таки была мысль, что нет ни бабы, ни секса толком нет, просто нарк отличный, и все. Так что спускай или не спускай — ерунда это. Ни о каком внеплановом зачатии и думать не стоило.

Так вот, оказалось, не ерунда. Сообщаю вам, что глюки — дело серьезное. Оказалось, что Мария Габрилюк совсем не глюк, за рифму извините. И залетела эта Мария по-серьезному, без галлюцинаций. И появился у нее от меня младенец мужеского пола, на которого я обязан теперь выплачивать алименты. Согласитесь, можно еще как-то представить младенца галлюцинацией, можно, хотя трудно. Он писается, какается, просит грудь. Какая, к дьяволу, галлюцинация! Но вот исполнительный лист на уплату алиментов гражданке Габрилюк Марии Самсоновне, с подписями и устрашающей печатью, представить галлюцинацией совершенно невозможно.

Не поверили? Ваше равнодушие меня пугает. Что вы твердите, что рожденный от соития с галлюцинацией младенец тоже является галлюцинацией, и алименты на него — тоже галлюцинация.

Держите конверт, смотрите. Получил утром, заказным, расписался, как дурак. Настоящий исполнительный лист. По-прежнему будете утверждать, что это галлюцинация?

Эй, парни, что это вы заколыхались, куда это вы исчезаете? Прямо не мужики, а привидения какие-то.

ВСЁ ОБ ИСКУССТВЕ

Этим вопросом давно интересовался Виктор Сидоров, интеллектуал и химик по профессии. Временно работающий охранником. Это ему принадлежала находка изобразить скучную формулу водорода в виде двух целующихся лесбиянок. Критики разнесли это произведение, заявив, что у водорода не женское лицо. В ответ Виктор создал композицию, олицетворяющую кислород. Простота решения всех потрясла. Это была самая заурядная задница с прыщиками на левой ягодице. Кто являлся моделью, Виктор скрывал. Но злые языки кое-что об этом нашептали.

Прославившегося интеллектуала пригласили сделать доклад на представительском форуме творческих сил столицы. Зал был полон. Среди присутствующих Виктор заметил своего знаменитого друга Вову, рядом с которым сидела очаровательная юная поэтесса.

Вот часть стенограммы его речи, произнесенная на торжественном юбилейном собрании Академии Художеств:

— Вы можете нарисовать любые части женского тела...

Шум, крики согласия мужской части, негодование художниц.

— Или какую-то часть тела мужского.

Общее одобрение.

— Заключение в рамку, и выставить на всеобщее обозрение. Это — настоящее искусство.

Аплодисменты.

— Некоторые горячие головы мультиплицируют созданное изображение, то есть размножают его, заключают в рамки, и выставляют на большом полотне, скажем, десять на десять метров. Представляете, на одной картине тысяча изображений бритого женского лобка.

Восторг мужской половины зала, свист хулиганствующих художниц.

— Спрашивается, это что? Это искусство?

В зале равномерный гул из криков «да» и «нет».

— Хорошо. Попробую заострить вопрос.

Крик из зала: «Острица тебе в жопу». Художницы колотят кричащего зонтиками.

— Банка пива или сока или джина. Располагается тысяча изображений банки на растяжке поперек дороги, и из одной банки вылезает торс Шварценеггера. Или силиконовый бюст

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru